

Глава 3. Ночное испытание Меча Тайи

Покои для уединения.

Ширма, расписанная золотом и покрытая лаком, мгновенно наполнила эту строгую комнату атмосферой двусмысленной неги. Окна были плотно зашторены, и на белой бумаге застыли смутные человеческие тени. Красавец в полурасстегнутых алых одеждах прислонился к створке кровати; тонкие пальцы перебирали рассыпавшиеся иссиня-черные волосы. Он сидел, низко опустив голову, и тени от кисточек полога дрожали на его обнаженной шее — хрупкой, бледной и беззащитной.

Эта картина невольно вызвала в памяти изысканные древние легенды о прекрасных небожителях.

— ...Что за дрянь!

Красавец внезапно разразился яростной бранью.

К черту изысканность, к дьяволу легенды.

Волосы Цю Бодэна были распущены лишь наполовину, потому что золотой венец застрял в прядях, а голову он опустил лишь потому, что при малейшей попытке выпрямиться украшение нещадно тянуло корни. Это была уже третья попытка снять золотой обруч, удерживающий налобное украшение. Одному богу известно, как он умудрился превратить такое простое дело, как распутывание прически, в сущий ад.

Мало того что он в очередной раз больно дернул себя за скальп, так еще и окончательно запутал венец в волосах!

Меч Тайи буквально содрогался от беззвучного хохота, катаясь по столу — тому самому, у которого днем сидела юная госпожа Лю. Трудно было представить, что обломок старой железки способен так живо выражать злорадство.

Цю Бодэн помрачнел. Собрав те крохи духовной силы, что остались в этом теле, он решил разрубить гордиев узел: одним резким движением он просто смял и переломал золотой обруч, заколку и налобник. Только тогда ему удалось освободиться.

С мелодичным звоном гряда искореженного золота, в которой уже невозможно было узнать драгоценные украшения, посыпалась на стол.

Меч Тайи весело запрыгал среди обломков.

Цю Бодэн невозмутимо перебрал многострадальные волосы за спину, едва заметно скрипнув зубами.

— Вижу, ты полон сил, — ласково, почти нежно произнес он, обращаясь к мечу. — Это меня радует.

Меч Тайи мгновенно выпрямился и настороженно отпрянул.

— Давай сразу распределим обязанности: я буду вкусно есть, сладко пить и крепко спать, а ты — гонять призраков и истреблять демонов. Оставшиеся дела в поместье Лю этой ночью ложатся на твои плечи.

Меч затрясся из стороны в сторону, словно юла.

«Даже не мечтай» — читалось в каждом его движении.

— Не надо мне тут кривляться, — Цю Бодэн, едва увидев объявление, вспомнил, почему название «Город Фу» казалось ему знакомым. В оригинальном романе устами главного героя упоминалась старая история о том, как «дева-жрица города Фу пала жертвой марионетки». — В «Хрониках Области Дун» сказано, что ты — «меч, дарованный небесами», рожденный из эссенции звезд крайнего севера. Если бы ты с самого начала прикидывался обычной железкой, я бы не стал принуждать тебя к «непотребству», верно?

Он ткнул пальцем в сторону Меча Тайи.

— Раз ты такой резвый, не смей врать, что не справишься с мелким призраком. Кого ты пытаешься обмануть?

Плюх.

Стоило кончику пальца Цю Бодэна коснуться эфеса, как меч «немошно» повалился на бок, снова превратившись в кусок ржавого хлама.

— Что ж, ладно, — великодушно согласился Цю Бодэн. — Тогда сегодня ночью мы погибнем вместе. Вот только сейчас весь город Фу знает: Маленький предок-наставник школы Тайи прибыл с Мечом, усмиряющим горы, чтобы изгнать нечисть. И если у нас ничего не выйдет...

Меч едва заметно дрогнул.

— В будущих книгах напишут так: «У школы Тайи совсем крыша поехала, раз они почитают как предка никчемного хвастуна, а их великое сокровище, Меч Тайи, усмиряющий горы, на поверку оказалось обычной кочергой. Первое место среди бессмертных школ — лишь пустой

треп». Что до меня, то меня и так проклинают на каждом углу, одной байкой больше, одной меньше — невелика беда. А вот десятитысячелетняя репутация школы Тайи...

Он лениво приподнял веки и отрезал:

— Мне на нее плевать.

Меч Тайи подскочил и дважды с грохотом ударил по столу.

— Ну вот, теперь ты знаешь, с кем имеешь дело.

Цю Бодэн с довольной улыбкой выплеснул накопившееся раздражение от того, что его неведомо как занесло в этот город Фу. Он откинулся на постель, натянул одеяло и не забыл добавить:

— Спокойной ночи.

Меч еще долго стучал по столу, скрежетал по полу и всячески изводил дерево, но Цю Бодэн лежал неподвижно, словно скала.

Меч был готов лопнуть от ярости!

В конце концов Меч Тайи завис у него над изголовьем. Его острие мерно покачивалось: то замирало над самым лицом Цю Бодэна, словно желая пронзить его насквозь, то снова указывало на пол.

Наступила ночь.

Внезапно поднялся ледяной ветер.

Пламя свечи в комнате дрогнуло, съежилось до размеров просяного зернышка и окрасилось в призрачно-синий цвет.

Тени от мебели на полу вдруг вытянулись, запульсировали, словно живая вода, и слились в одну длинную, костлявую «человеческую» фигуру, которая начала медленно подниматься из-под земли прямо перед кроватью. Жуткая тень была опутана чем-то похожим на паутину — бесчисленные тонкие прозрачные нити потянулись к спящему человеку, жаждая его плоти и крови.

Меч Тайи висел неподвижно. Цю Бодэн спал беспробудным сном.

Убедившись, что опасности нет, серебряные нити мгновенно веером разошлись в стороны, готовые впиться в живое тело.

Дзынь!

В полумраке вспыхнул и тут же погас холодный блеск. Когда свет появился вновь, Меч Тайи уже пронзил призрачную тень насквозь. Днем он казался ржавым хламом, но сейчас его клинок был окутан лунным сиянием. Ржавчина никуда не делась, но из зазубрин на лезвии вырвались ослепительные лучи, полоснувшие по сторонам. Все серебряные нити были перерезаны в одно мгновение.

Ледяной кончик меча замер в считанных миллиметрах от спины Цю Бодэна, который как раз в этот момент беззащитно перевернулся на другой бок.

Хлоп.

Призрачная тень лопнула, как проткнутый воздушный шарик. Из нее повалил густой черный дым, и она стремительно сдулась.

Словно кто-то невидимый резко дернул за нитки, тень, очищенная светом меча до состояния пустой оболочки, разорвалась надвое и бумажным змеем отлетела назад. Меч Тайи тут же бросился в погоню, но тень внезапно обрела гибкость рыбы: она металась из стороны в сторону, чудом ускользая от ударов.

Комната была тесной, Меч Тайи — длинным, а его силы — далеко не на пике, поэтому твари раз за разом удавалось увернуться.

Улучив момент, тень просочилась в щель окна и на полной скорости рванулась прочь.

Пшик.

Свеча в комнате окончательно погасла.

В наступившей тишине раздался свист.

Он был настолько резким, будто тысячи крошечных лезвий в одно мгновение раскромсали воздух в клочья.

В темноте прочертила след золотистая искра, похожая на падающую звезду.

В следующий миг хруст дерева смешался с гулким металлическим звоном. Тень, уже

собиравшаяся ускользнуть на волю, внезапно застыла в оконной щели, не в силах пошевелиться.

Меч Тайи резко развернулся в воздухе, готовясь нанести рубящий удар.

Ярость, с которой клинок рассекал воздух, была в три раза сильнее, чем во время погони за тенью!

— Остынь!

Цю Бодэн, который неизвестно когда успел сесть на кровати, символически поднял руки вверх, сдаваясь.

Рукав его нижней рубахи сполз, обнажая левое запястье. Оно было пусто — браслет, который днем плотно облегал кость, исчез. Свечи погасли, и Меч Тайи, замерший в волоске от лица Цю Бодэна, отбрасывал на его кожу узкий длинный блик, тянувшийся от уголка глаза к ярко-алым губам.

Предельный контраст света и тени.

В этот миг Цю Бодэн казался куда более опасным порождением тьмы, чем тварь, пригвожденная к окну.

Меч Тайи издавал яростный, хриплый гул, словно в гневе и тревоге выкрикивал угрозы.

— Я же сказал, успокойся.

Цю Бодэн прервал его, протягивая левую руку и давая предельно искреннее объяснение:

— Я просто неплохо метаю дротики. Вижу цель — не могу удержаться.

Призрачная тень была намертво прибита к окну древним золотым браслетом.

Украшение состояло из переплетенных тел драконов Куй. Днем, когда браслет был на запястье Цю Бодэна, чешуя казалась гладкой и плотной, а само изделие — просто изысканной безделушкой. Но стоило ему покинуть руку хозяина, как драконы словно ожили: чешуйки мгновенно вздыбились, превращаясь в тончайшие лезвия с острыми шипами на концах. В полете они изогнулись, став похожими на зубья пилы.

В тот момент, когда браслет пронзил тень, та мгновенно обратилась в пепел.

Два золотых дракона Куй, испепелив нечисть, сами прилетели обратно и послушно обвились вокруг запястья Цю Бодэна. Клыки в пастьях драконов сомкнулись с шипами на хвостах, и после серии мелких, частых щелчков замок намертво заперся. Никто не мог поручиться, что в следующий миг эти лезвия не вздыбятся снова, вскрывая вены хозяина.

Это было похоже не на украшение, а на опасные кандалы, чей нрав был непредсказуем.

Цю Бодэн с интересом покрутил вновь затаившееся оружие и небрежно спросил:

— Эта штука... она была на «мне» изначально? Или ее нацепили уже после того, как я, «злой дух», захватил это тело?

Как только браслет вернулся на руку Цю Бодэна, Меч Тайи начал постепенно успокаиваться.

Но острое все еще было направлено на него.

— А что, выглядит неплохо. Пусть висит, — Цю Бодэн перестал вертеть браслет. — Неважно, мне плевать.

В начальной школе учитель литературы как-то задал сочинение на тему «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь». Среди бесконечных «учить детей», «исцелять больных» и «изобретать новое», работа Цю Бодэна выделялась как экзотический цветок среди сорняков. На нескольких тысячах иероглифов он во всех подробностях расписал план своей жизни на сто лет вперед: путешествие на глубину двадцати тысяч лье под водой, охота с племенами в африканских саваннах, съемка полярного сияния на Северном полюсе, дегустация вин тысячелетней выдержки... Он даже приложил детальный график поездок.

Если вкратце, его мечта звучала так:

«Роскошные яства, лучшие кони и дорогие меха. Жизнь ради удовольствий высшей пробы».

Учителю было за семьдесят, он отличался высокими моральными принципами и никогда не встречал столь вопиющего отсутствия амбиций. Старик в гневе отчитал его перед всем классом, заявив, что мальчик, видимо, не слышал о выражении «проедать наследство».

Цю Бодэн в ответ лишь забарабанил по столу и громко запел:

— Пей вино, пока поется, трать золото — оно вернется!

Мотив был бодрым, голос — полным воодушевления.

Он возвел философию безделья в абсолют.

— Если считаешь меня демоном или нечистью, за которой нужно следить — воля твоя, — Цю Бодэн лениво привалился к ширме. — Но запомни одну вещь...

Он сделал паузу, и взгляд его стал холодным.

— Давно, когда мне было семь, наш дворецкий, дядя Ли, повез меня в парк аттракционов. За нами ехала машина, в которой сидели незнакомые люди. Дядя Ли сказал, что мы поиграем в прятки, а потом меня заберут домой. Я согласился и попросил его взять меня на руки — мне было лень идти самому.

Блик от меча дрогнул в его глазах.

— Дядя Ли был добр ко мне, он заботился обо мне с трех лет. Я прижался к его уху и прошептал свой секрет: я сказал, что всегда очень любил его... Позже меня спросили, что мне нравится. И я ответил: «Знаешь ли ты, что если перекусить сонную артерию, кровь, выталкиваемая сердцем, расцветает в воздухе цветком невообразимой красоты? Хочешь, я покажу тебе еще раз?»

Цю Бодэн тихо рассмеялся и вдруг подался вперед, приблизив лицо к самому Мечу Тайи.

— Если считаешь меня тварью и хочешь убить — делай это открыто. Не вздумай бить мне в спину.

— Иначе я сотру тебя в порошок и скормлю самому себе. По кусочку.

Меч Тайи мгновенно перестал гудеть.

В холодном свете в чертах Цю Бодэна проступило нечто безумное и беспощадное, что невозможно было скрыть.

— Веришь мне?.. — прошептал он нежно, обнажив в улыбке два ряда белоснежных зубов.

Меч Тайи с резким свистом отпрянул назад и с размаху врезался рукоятью в стену.

В комнате воцарилась тишина, которую через секунду взорвал громкий хохот.

— Да ладно?!

Цю Бодэн хлопал ладонью по кровати, не в силах остановиться.

— Ты что, серьезно испугался?

Он хохотал до упаду, и недавнее безумие исчезло без следа. Его плечи вздрагивали, и казалось, что темная комната без единой свечи вдруг наполнилась сиянием. В этой тьме сам по себе распустился пышный, дерзкий цветок; капля киновари бесцеремонно плеснула в густую туть, заполняя всё вокруг первобытной яркостью.

— Это же просто шутка...

Уворачиваясь от разъяренного Меча Тайи, который снова бросился на него, он случайно опять дернул себя за волосы и охнул.

— Что за дыра! Как только рассветет, стрясу с господина Лю денег и вернусь в школу Тайи!

***

На следующее утро солнце уже стояло высоко.

Во дворе поместья собралась толпа, но двери покоев для уединения все еще были закрыты.

— Ох, беда-то какая! — господин Лю в волнении топал ногами. Он не боялся, что Цю Бодэн вчера нахвастался впустую, он боялся, как бы этот «предок» из школы Тайи не отдал концы прямо у него в доме. — Что же это господин Цю...

Даос Сюаньцин с тревогой произнес:

— Лишь бы ничего не случилось.

Лоу Цзян, нахмурившись, несколько раз постучал в дверь и позвал по имени, но ответа не последовало.

Странствующий заклинатель с саблей стоял, скрестив руки на груди. По его мнению, то, что Сюаньцин и Лоу Цзян вчера позволили Цю Бодэну выгнать всех и остаться в одиночестве, было позорным заискиванием перед школой Тайи. Видя, что дверь не открывается, он ядовито заметил:

— Да тут и так все ясно.

— Испугался позора и сбежал через забор посреди ночи.

— Заходим, — Лоу Цзян решительно шагнул вперед, собираясь толкнуть дверь.

В этот самый момент дверь с грохотом распахнулась изнутри.

— Какого черта?! Чего вы тут расшумелись ни свет ни заря!

<http://bllate.org/book/16967/1580871>